

*С*видетели
эпохи

АЛЬБЕРТ РИС
ВИЛЬЯМС

■
*Путешествие
в революцию*

Россия в огне Гражданской войны

1917–1918

Альберт Рис Вильямс

**Путешествие в революцию.
Россия в огне Гражданской
войны. 1917-1918**

«Центрполиграф»

Вильямс А.

Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны.
1917-1918 / А. Вильямс — «Центрполиграф»,

Эта книга о первых днях и месяцах работы правительства Ленина. Друг Джона Рида, написавшего знаменитую книгу «Десять дней, которые потрясли мир», молодой американский журналист Альберт Рис Вильямс со всем энтузиазмом юности принял идеи и сам дух русской революции. Он лично знал Троцкого, Бухарина и Ленина, был очевидцем и активным участником многих сражений в дни Октябрьской революции 1917 года. В мае 1918-го, перед отъездом Вильямса в США, Ленин передал через него известное письмо «Американским социалистам-интернационалистам». Путешествие по объятый пламенем Гражданской войны России, знакомство с убежденными в своей правоте людьми очень повлияло на автора этой книги. До конца жизни он был другом Советского Союза.

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	7
Глава 1	13
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Альберт Рис Вильямс

Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917—1918

Посвящается памяти Мэри Е. Дрейер

Об авторе

Альберт Рис Вильямс родился в Гринвиче, штат Огайо, 28 сентября 1883 года. Он был сыном священника конгрегационной церкви, служившего в сельских приходах Огайо, Нью-Йорка и Пенсильвании. В четырнадцать лет он окончил школу в Хэнкоке, штат Нью-Йорк, но поступать в колледж не мог из-за слишком юного возраста, а потому устроился работать на лесопилку в Апексе, Нью-Йорк, а затем в магазин галантерейных товаров в Огайо.

В семнадцать лет он поступил в колледж Мариетта в Огайо и стал выдающимся оратором и лучшим спорщиком в классе, одним из редакторов колледжской газеты, капитаном баскетбольной команды и президентом атлетической организации. Участь в Мариетте, он помогал организовывать первый союз розничных торговцев в стране под покровительством американской Федерации труда. Его прощальная речь после окончания колледжа в 1904 году была озаглавлена: «Альтруизм и эгоизм в политике».

Рис, как его называли в старшем возрасте, в двадцать один год поступил в Гартфордскую теологическую семинарию в штате Коннектикут. Обучаясь там, он уговорил редактора газеты «Гартфорд ивнинг пост» позволить ему писать и редактировать регулярную колонку по вопросам работы. В 1907 году он получил «лицензию» на проведение церковной службы. В 1907–1908 годах он закончил Кембриджский университет в Англии, а также университет в Марбурге, Германия. Перед тем как уехать в Европу, он служил в пресвитерианской церкви на Спринг-стрит, в приходской церкви города Нью-Йорка, и там с помощью Норманна Томаса организовывал дебаты в Рабочем союзе.

Вернувшись из Европы, Вильямс принял участие в избирательной кампании за Юджина Дебса, кандидата в президенты от социалистов. Это было в 1908 году. Следующие семь лет он служил священником конгрегационной церкви Маверик, в восточном рабочем районе Бостона. Когда разразилась Первая мировая война, он находился в отпуске в Европе. Там он стал корреспондентом журнала «Взгляд». Его едва не застрелили немцы, арестовавшие и ложно обвинившие его в том, что он – английский шпион.

По возвращении в Америку Вильямс читал лекции в округе Чатаукуа, а в 1917 году опубликовал книгу – «В когтях германского орла» о своем опыте войны. Книге был оказан благоприятный прием, и это побудило его стать писателем. Вильямс решил не возвращаться в церковь Маверик. После свержения царского режима в России он в июне 1917 года поехал в Петроград в качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк ивнинг пост».

В сентябре 1918 года он возвратился в Сан-Франциско из Владивостока и по всей стране распространял статьи, направленные против вторжения Америки в Советский Союз. В следующем году он опубликовал два памфлета под заглавием «76 вопросов и ответов о большевиках и Советах» и «Советская Россия и Сибирь», которые продавались миллионными тиражами. Кроме того, он написал книгу «Ленин: Человек и его работа», которая стала первой биографией Ленина, вышедшей в Америке. Книга Вильямса «Через русскую революцию» – мемуары о событиях 1917–1918 годов – появилась в 1921 году.

В 1922 году он вернулся в Россию, и в следующем году мы поженились. Я познакомилась с Рисом в 1919 году в городе Нью-Йорке и приехала в Москву, чтобы снять фильм на средства квакеров, чтобы собрать деньги в помощь голодающим. До 1928 года Вильямс путешествовал по стране из Архангельска до Кавказа, забирался в «темные» деревни в глубине страны, собирая материалы для книги о крестьянах и наблюдая влияние революции на старинные нравы и обычаи. Истории, родившиеся из его путешествий, были опубликованы в журнале «Атлантик мантли», «Азия», «Нью рипаблик», «Нейшн» и в других журналах и в конечном итоге вылились в книгу «Русская земля», увидевшую свет в 1928 году, которую многие считают его лучшим произведением.

В 1929 году у нас родился сын Рис. Семья переехала в Седар, на остров Ванкувер, в Канаде, а затем, в 1932 году, в Кармел, штат Калифорния. На протяжении 30-х годов Вильямс продолжал читать лекции и писать о Советском Союзе и совершил туда две поездки в 1930 и 1937 годах. В 40-х годах и позже, в эпоху Сталина, он жил и писал в Седаре или в Оссининге, штат Нью-Йорк.

В последний раз он приехал в Москву в 1959 году, по приглашению советского правительства, после того как написал поздравительную статью по поводу запуска в 1957 году спутника. Вернувшись в Оссининг, он собрал все свои многочисленные заметки и рукописи и с энтузиазмом принялся за написание настоящей книги. Теперь он стал единственным в Америке свидетелем и участником Октябрьской революции. Он знал Ленина и большевиков второго эшелона (которых он называл русскими американцами), которые бежали в Соединенные Штаты во время царского режима и вернулись в Россию в 1917 году.

Рис умер в феврале 1962 года, оставив книгу незавершенной. Я жила и работала вместе с ним сорок лет и помогала ему с этой рукописью. Поэтому естественно, что я посвятила себя тому, чтобы закончить ее. Я три раза ездила в Советский Союз, чтобы проконсультироваться с друзьями и поработать в библиотеках.

Этот свой последний вклад Рис сделал не напрасно. Он мечтал о новом и свободном мире, и я надеюсь, что дух народа, который двигал людьми в русской революции, оживет на страницах этой книги.

*Аусита Вильямс
Бостон, Массачусетс
Февраль, 1969 года*

Предисловие

«Путешествие в революцию» – это история того, как молодой американец столкнулся с величайшей революцией XX века, революцией в России в 1917 году. Кто-нибудь может задать вопрос, почему эта книга *сейчас* так актуальна, когда это событие находится от нас на расстоянии пятидесяти лет. Рис Вильямс мог бы сказать, что русская революция задавала ритм всем последующим революционным движениям, явившись для них образцом для подражания. Однако вне зависимости от того, согласитесь ли вы с ним или нет, это голос вдумчивого человека старшего поколения, который стал близок инакомыслящим воинственным студентам всего мира конца 60-х годов.

Несмотря на то что эта книга собрана из объемных заметок и бесчисленных записей в 1962 году, после смерти Вильямса, в ней звучит его голос, голос очевидца тех мятежных дней 1917–1918 годов, когда он, возвращаясь из России, проехал через всю Сибирь и Владивосток. Вильямс взошел на борт корабля, отправлявшегося в Америку, в то время как молодые американские солдаты высаживались, чтобы вступить в интервенционную войну союзников против нового режима; у него конфисковали его бумаги в Гонолулу и в Сан-Франциско. Затем он нос к носу столкнулся со следователями от Вашингтонских властей, которые хотели знать о нем, о большевиках и о его роли в Октябрьской революции.

Ясный, доверительный и страстный голос Вильямса звучал со страниц книги «Через русскую революцию»; автор говорил здесь о событиях тех дней уже спустя время, а потому они предстают уже более осмысленными. Кроме того, в книгу добавлены важные наброски из его старых заметок, привнесшие существенные подробности и характеристики, ускользнувшие из более ранней работы; обогащена она и многими цитатами, почерпнутыми из библиотек, уточняющими первоначальные наблюдения. На самом деле его новые записи вмещают весь массив его дневников и записей диалогов с Джоном Ридом, с которым они вместе находились в России в дни революции; порой речь становится слишком взволнованной, нервной и перетекает в избыточные идиоматическими выражениями дебаты двух очень молодых американцев, пылких и любознательных, открытых всему новому, оказавшихся в самой гуще того, чему суждено было стать самым настоящим испытанием на всю жизнь.

Вильямса ожидала долгая жизнь. Для Джона Рида Россия оказалась концом земного пути; он написал книгу «Десять дней, которые потрясли мир», объявил себя коммунистом, умер от тифа в Москве и был похоронен под Кремлевской стеной. Но как бы ни различались они по судьбе и образу жизни, события, происходившие в бурные дни Октябрьской революции, они интерпретировали одинаково. В более глубоком смысле их исходные взгляды выковались вовсе не в России, но сформировались в довоенной Америке, где эти молодые социалисты, каждый по-своему, боролись за то, чтобы прозябавшему в нищете рабочему классу предоставили приемлемые условия работы и достойное жалованье. Целью этой борьбы было ни больше ни меньше как всеобщее социальное преобразование.

Для кого-нибудь из молодых мятежников из студенческих кампусов, возможно, станет новостью, что требования фундаментальных структурных перемен в американском обществе звучали уже много лет назад. Или то, что перед Первой мировой войной радикальное движение пустило глубокие корни в Соединенных Штатах, несмотря на многие препятствия, внутренние и внешние. В 1912 году социалистическая печать выпустила в Соединенных Штатах 323 публикации и издания общим тиражом свыше двух миллионов экземпляров. Самая крупная из этих газет, «Призыв к разуму», настолько хорошо распространялась по всей стране, что перед войной библиотекарь из моего родного городка в Айове вручал мне, тогдашней школьнице и жадной до книг читательнице, экземпляры газет «Массы» и «Призыв к разуму». Он снабжал меня и литературным журналом «Маленькое обозрение», который, пропагандируя эстетику

современного искусства и литературы, никоим образом не чуждался своих более политизированных двойников.

Теперь, в 60-х годах, историки начали раскрывать некоторые из сокрытых сложностей, противоречий общества тех предвоенных дней. Первые годы столетия породили не только «новую историю» и блистательных теоретиков, вроде Торстейна Веблена, но и художественное осознание, характерное для Гринвич-Виллидж и Гарлема. Социалисты, профсоюзные деятели, прагматики и любители сенсационных разоблачений, новое поколение социологов, казалось, сближались и даже соединялись в своей критике американского общества, и это отражалось в творчестве таких романистов и поэтов, как Драйзер и Шервуд Андерсон, Фрэнк Норрис и Генри Фулер, ранний Карл Сандберг и многие другие.

Во время исторической забастовки текстильных рабочих в Лоуренсе, штат Массачусетс, в 1912 году, возглавляемой Биллом Хэйвудом, лидером ИРМ (Индустриальные рабочие мира – профсоюзная организация в США. – *Перев.*), перед социалистами и профсоюзными деятелями из АФТ (Американская федерация труда) встала задача поддержать борьбу, которая вышла за пределы воинственной тактики Хэйвуда, призывавшего непосредственно к саботажу и всеобщей забастовке. И во время всей фракционной борьбы, расколовшей ИРМ, еще до вступления нашей страны в Первую мировую войну, их отказ отождествлять себя с промышленным капитализмом военного времени породил их в тюрьме с непреклонными социалистами. И тогда, наконец, была объявлена война за демократию.

Когда вслед за новостями о свержении царского режима в России стали приходить сообщения об учреждении в Петрограде уникального революционного парламента, названного Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Рис Вильямс принял решение поехать в Россию, чтобы увидеть все собственными глазами. Это было в феврале 1917 года. Президент Вильсон лавировал относительно того, вступать ему в войну или нет, но деспотичный царь в качестве союзника в войне за демократию смущал его. Февральская революция сняла Вильсона с крючка; и в апреле Соединенные Штаты вступили в войну. В мае Вильямс получил аккредитацию журналиста от газеты «Нью-Йорк ивнинг пост», он брал интервью, и его самого расспрашивали представители различных политических партий, принимавших активное участие в революции. Он собрал дюжины писем к членам Временного правительства и Советам – Милюкову, Керенскому, Родзянко. Еще более важно то, что у него имелись рекомендательные письма от издателей «Нового мира» – русской социалистической газеты, издаваемой в Нью-Йорке, которая когда-то считала своими корреспондентами большевиков Троцкого и Бухарина.

Вы можете сказать, что Вильямс делал такие же заготовки, какие предпринял бы любой профессиональный журналист, чтобы снабдить себя компетентным, «объективным» отчетом о заметном мировом событии. Однако Вильямс не был неофитом в политике, экономике и социальной истории или в войне. К тому времени, когда он приступил к своей миссии в России, он уже имел богатый разнообразный опыт – личное участие в промышленной забастовке и бесконечно разносторонние отношения с людьми во всех проявлениях жизни. Он жил за границей в Англии и в Германии, он прошел с германской армией в Бельгию в качестве аккредитованного корреспондента американского журнала «Взгляд»; был арестован, и его едва не застрелили как британского шпиона; был священником конгрегационалистской церкви Маверик в рабочем восточном районе Бостона; читал лекции в Чатаукуа; но *главным образом* он учился, много учился и наблюдал, как живут люди и каким образом события влияют на их жизнь – и как могут поступки людей влиять на череду событий.

В некотором роде его опыт к тому времени, когда произошли революционные события в России, был некоей прелюдией к его вступлению в ту историю. Характер предыдущего опыта весьма важен. И может быть таковым, что способен преградить путь к адекватному восприятию

события. У Вильямса получилось так, что он случайно накопил правильный багаж для своей роли.

Будучи сыном человека, который, прежде чем стать священником, много лет работал на шахтах Уэльса, Рис Вильямс тоже начинал работать на шахтах и, повторив путь отца, тоже выучился на священника. Юноша видел не только внешнюю сторону человеческого существования, но и принимал участие в сельских радостях маленьких городков, где служил священником его отец, читавший проповеди в зачастую бедных конгрегациях. Его мать также родилась в Уэльсе и приехала в Соединенные Штаты юной девушкой; ей суждено было стать женой священника и произвести на свет четырех сыновей, и все они тоже стали священнослужителями. Ее собственные предки следовали этому призванию в Уэльсе, и уэльское наследие вошло в кровь и плоть ее детей. В клане Вильямсов жила какая-то неукротимая уэльская тяга к независимости, природная мятежность, любовь к учению и к искусству, страсть к песням и историям, и все это наложило неизгладимый отпечаток на личность человека, который отправился в Россию в 1917 году.

Так же как Джон Рид, выпускник Гарварда, Рис Вильямс блестяще учился в колледже Мариетта в Огайо и был настолько выдающимся студентом в теологической семинарии в Гартфорде, что выиграл стипендию на оплачиваемое обучение в Европе, о чем он страстно мечтал. В Лондоне он познакомился с группой сметливых молодых социалистов из английских университетов, смешался с членами молодой лейбористской партии и более того – начал посещать читальные залы, клубы, улицы, где собирались рабочие и работницы лондонских трущоб. Он не был сентиментальным; в своих дневниках упрекал рабочих за инертность, они вызывали у него ярость тем, что безропотно принимали свою долю и порой рабски угодливо вели себя в присутствии «сильных мира сего». Вильямс хотел не просто поднять их с колен или даже спасти их души, но встряхнуть рабочих, взять их за живое, пробудить к борьбе против неизбежности их, в любом случае, печальной судьбы. Их бледные лица, растоптанные башмаки, приступы дикого хохота, безнадежность от неизбывной нищеты, которую они заглушали в кабаках, пробуждали в молодом человеке желание бороться. Если он возвращался в ряды священников, то толковал Евангелие по-своему; Вечное для Вильямса должно быть сейчас, в этой, земной жизни. И если он еще не определился до конца, то все равно вставал на сторону угнетаемых и, выступая против угнетателей, оставался верен себе и в Лондоне, и потом, всю жизнь.

Рид и Вильямс познакомились и стали вращаться в радикальных социальных кругах Нью-Йорка до того, как рискованное предприятие вновь свело их в России. Они оба были уже авторами статей, читали лекции. Рид приобрел известность как молодой репортер, который находился в кавалерийском полку Панчо Вильи во время революции в Мексике. Вильямс собирал средства и был оратором на забастовках в Лоуренсе; Рид писал передовицы в нью-йоркских газетах как организатор зрелищных праздников на Мэдисон-Сквер-Гарден в пользу бастующих рабочих-текстильщиков из Паттерсона, штат Нью-Джерси. Молодой Рид был близким другом Мэйбл Додж, богатой покровительницы искусства и литературы из Гринвич-Виллидж; он был женат на Луизе Брайант, которая поехала с ним в Россию. Вильямс считался непреклонным холостяком: он еще не зажил домашней «упорядоченной» жизнью и в то время не предполагал этого. У Рида были богатые родители в Портланде, штат Орегон; родители Вильямса вели более чем скромную жизнь.

Но показательно, что различия в происхождении, образе жизни, в личном выборе не имели значения, когда им обоим пришлось столкнуться со свершившейся Октябрьской революцией. Оба объявили себя ее приверженцами. Рид вступил в коммунистическую партию, а Вильямс нет – ни тогда, ни после.

Если вы хотите получить яркое представление о революционной ситуации, то знайте: лишь ее сторонники способны представить вам самую неприкрытую суть происходивших событий. Вы хотите обнаружить подземные источники мятежей в Детройте или Ньюарке? Не

спрашивайте у белого полицейского, но следуйте за разумным черным. Вас интересует, почему студенты восстают против государственного устройства? Не задавайте вопросы ректору университета, но задержите для излияний мятежного студента. Вы сможете поговорить с ректором позже, более того, вам стоит это сделать. В любом случае вам никто не вручит респектабельную программу революционных мер. Революции так не делаются; котел взрывается, когда давление пара становится непереносимым.

Передовые действия всегда завершаются меньшинством, и страх отдаления большинства есть страх самого действия. Эта патентованная истина, подтвержденная всеми историками развития политической борьбы, свидетельствует о том, что при благоприятных условиях неразвитое большинство может быть нейтрализовано, и лишь в исключительной отчаянной ситуации оно втягивается в энергичную кампанию сопротивления официальной политике.

Сегодня или в 1918 году американский электорат мало знает о мире вне Соединенных Штатов. Общественность была особенно уязвима перед пропагандой Первой мировой войны: германцы представлялись ею как безликие орды гуннов, кайзер – зверь из Берлина. Какие страсти подстегивали их, когда перед лицом еще более страшных большевиков они пошли на примирение с гуннами.

Вильямс уехал в Россию в дружелюбных лучах Февральской революции, которая была приемлема не только для Вильсона, но для большинства граждан, ибо даже школьникам рассказывали о царе-тиране. Однако дружелюбие было обусловлено предположением, что революция была осуществлена правильно настроенными предпринимателями-капиталистами, что русские, освободившиеся от царского ига, решительно сделаются боевыми союзниками и станут сражаться бок о бок с другими хорошими парнями, чтобы покончить с войной. В «Путешествии в революцию» Вильямс расскажет вам, почему эта мечта была лишь великой иллюзией, и не более. Когда изможденные войной солдаты покидали фронт, промышленность полностью развалилась, крестьяне не собирали урожай, необходимый для войны, и ярость переливалась через край, и лишь воинствующее, решительное меньшинство могло прийти на помощь. Сражающееся меньшинство воспользовалось средствами, которые изначально не слишком отличались от тактики, к которой вынужден прибегать любой отсталый народ. Официальная политика Соединенных Штатов по отношению к Гватемале, Кубе, Санта-Доминго, Вьетнаму – не более чем простертая рука ее политики 1918 года, когда фактически началась «холодная война».

К тому времени, когда Вильямс в сентябре 1919 года вернулся в Америку, социальные и политические рамки предвоенной эпохи были расшатаны; начался новый век отрезвления. Можно заполнить тюрьмы нераскаявшимися, сознательными противниками, непримиримыми борцами, однако уже в 1918 году социалистам удалось избрать в Государственное собрание тридцать два депутата. К весне же 1919 года избранные должным образом законодатели-социалисты были изгнаны из Нью-Йоркского государственного собрания как «предатели». Война закончилась, но огонь еще горел.

Рейды Пальмера, атаки на социалистов и пацифистов и прочих диссидентов обеспечивались общественным одобрением сбитых с толку граждан. В Монтане и Вашингтоне убивали оппортунистов, вели общенациональную охоту на ведьм и заполняли ими тюремные камеры в Ливенворте или новые могилы. Однако Вильямс теперь стал бесстрастным просветителем и начал ездить с агитационными лекциями по городам Соединенных Штатов. Он писал памфлеты, издававшиеся социалистической школой Рэнд, которые продавались по десять центов, под названием «76 вопросов и ответов о большевиках и Советах». Памфлет продавался миллионами экземпляров. Вы могли не соглашаться с Вильямсом, однако его информация распахивала двери. Получивший такую информацию человек мог сам начать расследования, не увязая при этом в официальной пропаганде. Он мог критиковать, возражать, пересматривать прежние мнения, кстати, разворачивающаяся история Советского Союза побуждала к этому, однако люди не погрязали в болото жалкого невежества и пропагандистских пут.

Интервенция союзников в России провалилась, вторжение во Вьетнам также не имело успеха. В университетской среде множатся мнения, главным образом среди молодых людей, отвергающие мифологию политического манихейства и соответственно осуждающие контрреволюционную роль Америки, нынешним, скандальным символом которой является война во Вьетнаме. Зазвучали новые голоса, критикующие социальные и экономические болезни общества, вскрывающие еще более изощренные формы обмана, которые могут привести общество к саморазрушению.

«Путешествие в революцию» посвящено главным образом первым дням правительства Ленина. В книге ничего нет про сталинские чистки, концентрационные лагеря, бюрократизм молодой и подвижной революционной армии, которая была вынуждена принять на себя удар со стороны могущественных сил мира. Это личные заметки, с часто меняющимися характеристиками человека, который не боялся непопулярных мер. Вы можете читать книгу, не отождествляя ее с лозунгами того времени или фракционными диспутами, которые проходили везде и даже в самом начале. В основном это книга о людях и их поступках на обьятном войной крае мира. Но тогда, как и сейчас, «чувствовать себя человеком – это полезная форма политической подрывной деятельности».

Однако о ценности «Путешествия в революцию» нельзя судить по ее уклону или идеологии, ее взгляду на мир – скорее по ее отношению к пережитому опыту, по силе ее экзистенциального убеждения и, прежде всего, по силе ее конкретного воздействия. Это не программа, хотя она могла бы служить настольной книгой пилигрима. Ее даже можно читать как предупреждение некоторым нынешним юношам, которые в боевом кличе выкрикивают имена Че Гевары, Мао, Малькольма Х и в Берлине Розы Люксембург, однако не настолько уверены в себе, чтобы призывать Ленина. Ибо революционный процесс в целом, как он понимается в западном мире, – есть основа, человеческое предназначение, стойкое неприятие угнетенных против угнетателей. Это и представляет собой живое наследие Карла Маркса – в Праге, в Москве и даже в Соединенных Штатах.

Я не знаю, что бы подумал Вильямс об оккупации Советским Союзом Чехословакии, однако он напомнил бы мне, что Соединенные Штаты продолжают полное истребление Вьетнама. Мог бы он, как я, встать на сторону студентов в Праге и перейти на сторону внука Иви Литвинова, который выступил за них? Даже давнишняя дружба не дает мне права интерпретировать мнение покойного.

В 1921 году, студенткой из Беркли, только что окончившей университет в Калифорнии, я познакомилась с Вильямсом в захудалой квартирке на Чарльз-стрит в Нью-Йорке. Всю ту весну он вставал из-за стола, обвешанный страницами из книги «Через русскую революцию», чтобы поприветствовать меня. Он был красивый, остроумный и сыпал ироническими комментариями, говоря о других людях и о себе. Той весной мы подолгу гуляли с ним вдоль акведука, который тянулся с Йонкерса до Оссининга. Я помню, как он срывал листок с дерева и кусал его или как мы с удовольствием валялись на траве, смотрели на Гудзон и, перекусывая бутербродами с сыром, выплескивали друг другу стихи. А как забавно было вторгаться в большие поместья, которые пересекали две тропинки! Особенно я помню поместье Элен Голд, ее огромный мрачный дом, в котором росли высокие лавровые кусты в полном цвету. Рис Вильямс голосом уэльского барда декламировал из Ницше: «Человек – это гибельный приход, гибельное путешествие, опасный взгляд назад, опасное дрожание и спокойствие... Что есть великого в человеке, так это то, что он – мост, а не цель». Я не думаю, что мы когда-либо говорили о политике во время тех долгих прогулок, хотя все, что говорил Рис, равным образом относилось к его основной теме. Это был некий объединяющий принцип в нем, который, казалось, исходил из инстинктивного темперамента и который его открытия в качестве исследователя социализма лишь усиливали. И если мне позже был антипатичен его «долгий взгляд на историю», когда он пытался перепрыгнуть через тиранию Сталина к более светлым дням, то он

терпимо относился к моим противоположным убеждениям. Более того, он поощрял их, повторял собственное мнение без злобы, что позволило нам остаться друзьями. В последние годы он отпускал ироничные шпильки по поводу тем или предметов, к которым питал глубокое уважение. К примеру, когда я увидела его в Оссининге, куда прибыли преданные пилигримы – большевики раннего ленинского типа, он прошептал мне, чтобы я «пожала руку, пожимавшую руку Ленина».

Рис Вильямс сказал то, что хотел сказать, и, как оказалось по прошествии в высшей степени противоречивых и разрушительных исторических событий, он был дальновиднее всех нас.

(Этот последний отрывок написан мисс Хербст перед ее смертью 28 января 1969 года.)

Глава 1

Мы с Джоном Ридом принимаем решение

Оглядываясь назад, в золотые сентябрьские дни 1917 года в Петрограде, я прекрасно понимаю, что для такого стреляного воробья, как сотрудник американского посольства Сэм Харпер¹, я и Джон Рид были весьма дерзкими молодыми людьми. Но мы и были таковыми: невыносимо решительными и самоуверенными по поводу тех вещей, которые на самом деле озадачивали прочих американцев. То, что приводило их в ярость, – такие события, как завоевание большевиками большинства в Петроградском Совете, – нам казалось логичным и правильным. То, что наполняло их предчувствиями, – стремительный рост большевистской партии после ее вынужденного отступления и подавления в июльские дни², для нас было поводом для радости.

Ленин все еще скрывался, когда Рид, после долгого и полного приключений путешествия из дома, прибыл на поезде из Стокгольма. Я увидел Рида несколько дней спустя, около 2 сентября³, и мы радостно воссоединились. В первый раз я увидел его в Лоуренсе, штат Массачусетс, во время забастовки 1912 года. Затем мы встретились в Бостоне, когда Рид произносил речь в Тремонт-Темпл в 1915 году, а позже мы случайно столкнулись в нью-йоркской Гринвич-Виллидж. Насколько мне показалось, приезд Рида в Петроград был удачным. Я чувствовал себя довольно оторванным от других иностранных корреспондентов, правда, за исключением Артура Рэнсома и позже М. Филиппа Прайса⁴, из в основном пожилого состава сотрудников американского посольства я только начал знакомиться с Бойсом Томпсоном, главой американского Красного Креста, и его энергичным помощником Рэймондом Робинсом. Люди, с которыми я подружился, представители англоговорящих революционеров-эмигрантов, которые теперь устремились в Россию, воспользовавшись амнистией после Февральской революции, уделяли мне меньше времени, чем раньше. И вдобавок я был рад Риду, как родному по духу существу и как более опытному репортеру, чем я.

С другой стороны, Джон Рид рассматривал меня почти как ветерана сцены, и он немедленно начал (как хороший репортер) вытягивать из меня все, что я видел и слышал, а также чего не слышал. Я находился в России только три месяца, достаточно долго, чтобы пережить одно Временное правительство князя Львова; теперь стало ясно: правительство Керенского катится под откос.

¹ Сэмюэл Н. Харпер, сын ректора университета Чикаго Вильяма Рейни Харпера, много путешествовал по царской России и изучал ее, повинувшись настоятельным просьбам отца. Он стал профессором русского языка в университете и, вероятно, самым влиятельным консультантом по России в Государственном департаменте во время администрации Вильсона. Он сопровождал посла Дэвида Р. Фрэнсиса в Россию в 1917 году, в качестве советника.

² Восстание 3 июля длилось четыре дня. Оно было инициировано 1-м артиллерийским полком после полудня, и в тот же вечер к нему присоединились два других полка петроградского гарнизона. На следующий день тысячи рабочих также высыпали на улицу. Главной причиной беспорядков, очевидно, стал приказ начать широкомасштабное наступление в Галиции, несмотря на провал мобилизации от 18 июня. После некоторого колебания большевики, которым не удалось предотвратить восстание, которое Ленин считал преждевременным, решили возглавить демонстрации, чтобы придать им направление и цель. Однако тогда это оказалось слишком поздно. Произошло кровопролитие, наступил период реакции, партия большевиков была фактически запрещена, и были изданы приказы арестовывать большевистских вождей.

³ Здесь необходимо объяснить сложности с календарем. Во всей книге я буду указывать даты, которые использовались в России во время этих событий: юлианский календарь для всего, что произошло в России до февраля 1918 года; григорианский календарь для событий после 1 февраля, которое стало 14 февраля согласно западному календарю, принятому в январе и начавшему действовать. Описывая события вне России, я буду использовать западный календарь, а для тех событий, которые часто ссылаются на обе даты, как, например 25 октября – 7 ноября, я воспользуюсь двойной системой датирования.

⁴ Британские писатели и журналисты. Прайс, с которым я познакомился в 1918 году в Москве, был корреспондентом газеты «Манчестер гардиан». Рэнсом также был корреспондентом «Манчестер гардиан» и в 1918 году писал для лондонской «Дейли ньюс»; многие его репортажи из России были напечатаны в газете «Нью-Йорк таймс».

Рид забросал меня вопросами насчет Ленина, Троцкого. Могу ли я взять его на какой-нибудь митинг рабочих на Выборгской стороне Петрограда? Каковы шансы посетить фронт, прежде чем он окончательно распадется? Он хотел увидеть все и сразу. Он негодовал, что прибыл несколько дней спустя после восстания генерала Лавра Корнилова. Я сказал ему, что тоже приехал в Петроград слишком поздно и не застал этого; в июле я находился в деревнях Владимирской области и расспрашивал крестьян, затем вновь поехал в глубинку в августе, на сей раз на Украину.

Помню, что Рид только что приехал из посольства, где знакомые рассказывали ему, что они видели, как укрепляется Временное правительство после неудачного броска на Петроград отборной Дикой дивизии из казачьих войск Корнилова. «За этим что-то есть?» – спросил Рид. Напротив, ответил я. Мятеж развалился без настоящего сражения, без единого выстрела, по одной причине: из-за сокрушительного ответа Красной гвардии и масс в целом, созданных на защиту революции большевиками. Почему Керенский обратился к партии большевиков за помощью?⁵

Риду я пообещал, что он увидит Красную гвардию, их винтовки, составленные в козлы в комнатах комитетов на больших заводах. Он увидит, как растет их дружелюбие к армейским подразделениям и к петроградскому гарнизону. Благодаря большевикам в это время заводские рабочие смотрели в будущее с надеждой, которую им удалось сохранить через шесть месяцев предательства со стороны двоевластия Временного правительства и Советов, или, как обозвал это Троцкий, Двойного безвластия.

Правительство, которое было буржуазным, но при этом поддерживалось умеренными социалистическими партиями, меньшевиками и социалистами-революционерами, а также кадетами (конституционными демократами) вплоть до тактического устранения кадетов как раз накануне корниловского кризиса, более чем когда-либо пользовалось дурной славой. И не любовь к Керенскому побудила рабочих дать быстрый отклик на энергичные призывы большевиков собрать все силы в связи с приближением Дикой дивизии Корнилова; просто они не желали отдавать свою революцию человеку на коне – генералу Корнилову. Что же до Керенского, то о нем позаботятся позднее. Ленин подсказал, как я слышал: не поддерживать Керенского, не нападать на данном этапе. Тогда только одно имело значение: защита Петрограда и революции. Но все это дело, что бы там ни слышал Рид в посольстве, *не помогло* Керенскому. И лишь подчеркнуло растущее могущество большевиков. Американское, британское и французское посольства видели это по-другому.

«И Томпсон, похоже, только что всадил миллион долларов собственных денег в дурацкий план, пытаясь убедить крестьян, что Керенский после всего – их человек. Робинс подбил его на это. Робинс сделал это не для того, чтобы одурачить крестьян. Он на самом деле верил, что может убедить Керенского начать раздавать землю. Он решил, что это – единственный способ удержать Россию в войне. Томпсон и Робинс пытались заставить американское правительство выдавать по три миллиона долларов в месяц под этот план, а между тем, чтобы не терять время, Томпсон отправил телеграмму в банковскую фирму Дж. Пьерпонта Моргана, чтобы тот прислал ему миллион его собственных денег».

– Вы хотите сказать, что миллион медного магната не сможет удержать большевиков от того, чтобы они пришли к власти? – рассмеялся Рид. В этой истории имелись все элементы

⁵ Все умеренные социалистические партии готовы были защищать революцию так, как они себе это представляли, и, разумеется, желали объединить свои силы, чтобы любым способом защитить Петроград от вооруженных пиками казаков Корнилова, продвигавшихся под командованием генерала Крымова после ареста Корнилова. Однако Керенский прекрасно понимал, что никто из них в настоящее время не представляет историю. Он знал, что рабочие и большинство гарнизонов к тому времени в основном слушались большевиков. Итак, во имя спасения революции против генерала, которого он окрестил предателем, Керенский обратился к Смольному и открыл тюрьмы (где содержались в камерах многие из арестованных в «июльские дни»), с тем чтобы большевики смогли направить своих наиболее изошренных агитаторов на фронт, чтобы вести переговоры с казаками. Словами, а не пулями, направленными против казаков, был подавлен контрреволюционный мятеж Корнилова.

фантастики, которые, я знал, привлекут его. – Но серьезно, как же, в конце концов, они *ожидали* загипнотизировать крестьян? Или что они *могли*, по их мнению, сделать?

Я рассказал ему то небольшое, что знал сам. Миссии и комиссии, что прибывали издалека, некоторые квазиправительственные, и все они приезжали с единственной мыслью: удержать Россию в войне. Американский Красный Крест не был исключением. Робинса тревожил усиливающийся голод. Он рассматривал кооперацию крестьян как ключевой фактор. Керенский все еще был социалистом-революционером, а Робинс знал, что эсеры были партией крестьян и что их программа призывала к распределению, раздаче земли. В августе, через неделю после того, как Робинс приехал, он встретился с госпожой Екатериной Брешковской, «бабушкой русской революции», давним эсером и членом одной из их первых террористических групп. Робинс знал, что она находилась в тюрьме и в ссылке при царях, и для него этого было достаточно, чтобы романтизировать ее. Чего он не знал, так это то, что она безнадежно отстала от современной революционной ситуации. Не так уж было нелогично, по мнению Робинса, поверить, что правительство, поддерживаемое меньшевиками и эсерами, начнет что-то делать для крестьян, а не просто скажет: «Погодите. Дождитесь Учредительного собрания и *закона*, и тогда вы получите свою землю на *законном основании*». Брешковская убедила Робинса сформировать женский комитет для помощи в распределении продуктов. Он подумал, что это – блестящая мысль. Комитет Брешковской был на самом деле политическим и интеллектуальным кругом, через который на миллион Томпсона можно было учредить газеты, новостные бюро, организовать солдатские клубы, которые посылали бы ораторов в бараки и деревни и где они продвигали бы линию Керенского – патриотическая защита родины и поддержка Временного правительства.

На грядущей демократической конференции, я сказал Риду, что будут присутствовать многие зажиточные крестьяне, делегаты-эсеры из провинций, и Робинс наверняка будет там, в надежде поддержать Керенского.

«По крайней мере, он был не за Корнилова, которым так восхищался наш посол», – сказал я.

«Но у кого штыки? – спросил Рид. – На чьей стороне армия во всем этом?»

Я не мог ответить на все его вопросы сразу. Но заверил, что у Керенского навряд ли были штыки. У рабочих – Красной гвардии – были свои. Разумеется, как только мятеж Корнилова был подавлен, Керенский отдал приказ милиции разойтись, сложить оружие. Не тот шанс!

Мы с Ридом пошли из городской думы в Смольный институт, где в лабиринте залов и прежних классных комнат для дворянских дочерей большевики сейчас устроили себе штаб-квартиру, и из Смольного по вечерам перебирались в Выборг и во многие другие места в те первые дни, когда мы присоединились к армии. Иногда мы с ним блуждали поодиночке. В другой раз мы ездили вместе с Луизой Брайант, женой Джона Рида, и с Бесси Битти. У Рида было удостоверение от радикальной газеты «Массы» и нью-йоркского «Зова». У меня же было удостоверение от «Нью-Йорк пост». Мисс Брайант, как ее называли (ибо в те дни ни одна уважаемая радикальная женщина не носила имя мужа) писала для женских журналов, а Бесси Битти представляла «Сан-Франциско бюллетень».

Повсюду в воздухе носилось напряженное любопытство. Рядом с неугомонным, желающим все испытать Ридом напряжение только усиливалось. Были моменты, когда мы забывали, что история дышит нам в затылок, хотя таких моментов было немного. Мы с Ридом ходили мимо того места, где Александр II, подписавший манифест об отмене крепостного права, встретил свою смерть, когда нитроглицериновая бомба была брошена в его карету. Мы ходили по площади перед Зимним дворцом, где тысячи людей были расстреляны в Кровавое воскресенье в 1905 году, когда толпы людей маршировали в мирной процессии, чтобы передать петицию своему царю Николаю II. Какая история разыграна на протяжении веков в этом гордом городе! И разве можно было бы отыскать более подходящее место в мире для рабочей

революции, чем этот город, который по приказу Петра восстал из болот трудом рабов? Так мы размышляли и думали о человеке, который прятался недалеко от Петрограда и которому суждено дать свое имя этому городу.

Я описал Риду тот ужас, с которым наблюдал громадную демонстрацию 18 июня, и другие мятежные сборища, которые пытались предотвратить большевики. А потом, поняв, что не могут этого сделать, большевики тщетно пытались контролировать их, и последовали кровавые репрессии. Тогда, в последние дни правительства князя Львова, были изданы приказы арестовать трех главных лидеров большевиков. В те дни схватили Льва Каменева. Ленин решил прийти на суд, однако его разубедили, и он вместе с Григорием Зиновьевым ускользнул. Позже Ленин надел парик и раздобыл паспорт рабочего, чтобы пересечь финскую границу. Последовали массовые аресты, в том числе задержали Льва Троцкого, Анатолия Луначарского и неустрашимую Александру Коллонтай. Прошло чуть больше двух месяцев, как Ленина обвинили в измене; ему приписали, что он взял золото у германского Верховного командования. Теперь, в сентябре, ничье имя не сияло так же ярко в глазах рабочих, как имя Ленина; по мере того как их иллюзии в отношении умеренных социалистических партий исчезали, росло их уважение к Ленину и большевикам.

Мы с Ридом обсуждали ход революции в настоящее время, особенно когда шли по Литейному или другим мостам из Петрограда и вступали в другой мир – в мир трущоб, разваливающихся, густо населенных рабочими многоквартирных домов, стоявших вокруг громадных военных заводов и дымящих фабрик. Рид, понюхав воздух, посмотрел вокруг и сказал: «Я подумал, что такой была «феодалная Россия». Мне кажется, здесь такой же запах, как в Питтсбурге. Поговорите с этими меньшевиками и социалистами-революционерами, и вы поймете, что капитализм не затронул Россию. Ну и как?»

Какой ненормальной казалась вся политическая обстановка! За исключением нескольких монархистов и других групп, каждая партия, кроме кадетов (возглавляемая способным и ненавидимым Милюковым, режим которого пал до того, как я приехал в Петроград), предлагала поверить в некоторого рода социализм. Все играло свою почетную роль в подпитке бьющегося сердца революции, Выборгской стороны, ради перемен. Собравшиеся рабочие в течение нескольких лет получали доступ к образованию и пропаганде. «Экспроприация экспроприаторов!» – таким был гордый пароль каждого. После того как социал-демократы раскололись на меньшевиков и большевиков в соответствии со способом организации, лозунг «Объединяйтесь, вам нечего терять, кроме своих цепей» оставался лозунгом обеих фракций. В течение многих лет то открыто, то тайно ревностные учителя несли послание социализма, которое падало в плодородную почву. Среди них Надежда Константиновна Крупская, жена Ленина, которая в Выборге снова начала по вечерам вести учебные классы для взрослых. Низкое жалование, долгие часы работы, убогие хибары, в которых ютились рабочие, придирки и преследование полицейских шпииков, суровая дисциплина организации, вынуждавшая их неустанно трудиться на фабриках, а также растущая ненависть к войне довершили остальное.

Конгломерат фабрик, представлявших русский и иностранный капитал, породил силы, которые привели к разрушению имперской России. Февральская революция, очевидно, застала всех врасплох, это был младенец, не принадлежащий ни одной партии. Зародилась она, по крайней мере, спонтанно. Домовладельцы, женщины в хлебных очередях, которые, прождав несколько часов, узнавали, что припасы все вышли, начинали повсюду бунтовать. К ним присоединялись рабочие, фабричные работницы, а также мужчины, устраивая спорадические демонстрации. Они росли до тех пор, пока не выливались в громадные массовые шествия, продолжавшиеся по нескольку дней. Солдатам и даже казакам отдавали приказ нападать, вести огонь против рабочих, в то время как сами рабочие, и опять же здесь женщины были более активны, убеждали их не расстреливать своих братьев.

И опять же почти неожиданно старые формы представительства, которые вошли в обращение после революции 1905 года, вновь возродились в Москве, в Петрограде и в других бесчисленных городах и даже в некоторых деревнях. Это были Советы рабочих и солдатских депутатов. Были также и крестьянские Советы. При старом режиме Государственная дума, городская дума и разные органы, которые не управляли, но посылали представителей в Зимний дворец, – все они были в лучшем случае изолированы от народных масс. Провинциальные делегаты, если это были крестьяне, непременно были кулаками. И когда Дума разочаровала Николая II в 1906 году, он распустил ее и выставил войска перед входом в здание, где она заседала.

Власть лежала на улице, согласно замечанию, приписываемому Ленину. Ее мог взять каждый. Однако умеренные социалистические партии, из которых социалисты-революционеры были, пожалуй, самой многочисленной, передали власть в руки буржуазии. Временное правительство никто не выбирал, но оно существовало по согласию Советов, которые полагали, что социалисты находятся под контролем. Первое Временное правительство, в котором сильными личностями были Милюков и Гучков со Львовым в качестве номинальной главы, включало единственного социалиста – Керенского. Коалиционному правительству, которое пришло на смену Временному, также было поручено вести войну ради славы союзников, русских помещиков и капиталистов. Теперь в кабинете Керенского шесть министров-социалистов. Значит, было почти столько же социалистов, защищавших буржуазию в качестве кадетов! В отчаянии, которое так сильно охватило Россию, Выборг вынашивал в своем чреве гарнизон грядущей революции. И как я напомнил Риду, по всей стране – в Москве, на текстильных и ткацких фабриках Иваново-Вознесенска, во Владимире, в угледобывающем бассейне Дона, в Нижнем Новгороде, – повсюду, где объединялись рабочие, перед ними стояла все та же суровая цель.

Один только разговор о ткацком районе и о рабочих заставил нас ностальгировать по поводу забастовок рабочих-ткачей в Соединенных Штатах. Мы говорили о нашем друге Юджине Дебсе. Он был уже немолодым, но наверняка продержался бы до конца войны. Мы это знали. Я спросил Рида, как поживают другие лидеры социалистов. Он сказал, что программа социалистов из Сент-Луиса упорно противостоит войне, однако многие начинают слабеть. Мы согласились с тем, что Альфред Вагенкнехт, Чарльз Рутенберг и многие другие предпочли бы сесть в тюрьму, чем выступить за империалистическую войну. Александр Беркман уже отбыл срок в Атланте. Беркман был анархистом; Вагенкнехт и Рутенберг, как позже выяснилось, вместе с Ридом и другими радикалами вывели левое крыло из социалистической партии и вошли в Коммунистическую рабочую партию Америки.

– Так вы думаете, что дни Керенского сочтены? – спросил меня Рид во время одной из наших прогулок.

– Очевидно, – ответил я. – А в чем дело? У вас такой нерешительный вид.

– Ничего особенного. Просто я пытаюсь выяснить, что произошло. Весной партия была крошечной. Как она достигла такого уровня?

– Мне кажется, никто на самом деле не хочет браться за работу, кроме большевиков, и так было все лето, – сказал я.

– Ну, пошли. – Он был любезен, но эти его зеленые глаза, которые порой светились диким, чуть ли не кельтским юмором (хотя, я думаю, все его предки были британского либо германского происхождения), могли также быть холодными и отстраненными. И такими они сейчас были. Решив, что я не честен с ним, он безжалостно продолжал: – Корнилов хочет работать. Керенский хочет работать. Меньшевики и социалисты-революционеры наверняка хотели работать, либо они пошли на компромисс, который им предложил Ленин⁶. Я слышал об этом.

⁶ Это всеми забытое предложение или компромисс содержался в скромном, почти застенчивом письме, которое Ленин написал 1/14 сентября из своего укрытия в Финляндии. Он не претендовал, что говорит официально от имени своей партии;

Когда это случилось, я был в полном замешательстве.

– Да, Корнилов. Он хочет стать диктатором. Как говорил Робинс, у него даже нет лошади. Железнодорожные рабочие взорвали рельсы, так что он даже не может вывести свою армию из Могилева. А без него казаков у ворот города отговорили нападать. Ружья в руках рабочих, которые никогда не держали оружия, представляют еще меньшую силу, чем слова агитатора. Так что такова была делегация казаков, появившаяся перед Временным правительством с жалким видом; они бормотали, что никогда не позволяли низости по отношению к Советам. Корнилов был отважным генералом, однако в политическом смысле невинен, как младенец. У него нет того понимания, что есть у других. Вот почему я сказал, что Керенский и другие сторонники компромисса, меньшевики и эсеры, не хотят работать – они понимают, что сейчас со всем этим происходит. Они не желают брать на себя ответственность и предлагать серьезные и легитимные условия мирного договора всем империалистическим армиям. И они не хотят сказать крестьянам: «Теперь земля ваша!» Они понимают, что любому правительству, которое хочет удержаться у власти, придется сделать и то и другое.

– Вы слишком все упрощаете. А как насчет того, что Ленин отклонил компромисс? – спросил Рид.

– Это одно и то же. Все время, начиная с Апрельских тезисов и донныне, когда Ленин сказал массам, что они одни, без буржуазии могут управлять собой и экономикой, все эти партии завели одну и ту же песню: эволюция через капитализм. Мы не можем получить социалистическую революцию, пока не завершится буржуазная революция. Другими словами, капитализм более продвинут. А тем временем вождей меньшевиков и эсеров схватили. Они стояли бок о бок с буржуазией, подстегивая войну, поэтому теперь их «революционные принципы» свелись к тому, что им нужно объединиться в одну команду с большевиками. Согласно их принципу в это время революция зашла слишком далеко. Кучка педантов!

– И таким образом они помешали редкой возможности, как я слышал, это называл Ленин, провести бескровную революцию. Что ж, какого черта? – воскликнул Рид, плотнее укутавшись в теплую полушinelь, пытаясь укрыться от мелкого тумана, перешедшего в дождь. – Он сказал, что такая возможность продержится всего два или три дня, а потом будет слишком поздно. А потом этот грустный постскрипtum в конце его письма, в котором предлагался компромисс, когда он написал, что думает, что уже слишком поздно. Может, в любом случае ничего бы не получилось.

Я часто думал об этом письме, о котором мы услышали до того, как оно было напечатано; любопытно, что многие историки проглядели его или пренебрегли им.

– Ни один лидер, который не был бы полностью уверен в себе, не отдал бы такой приказ, – сказал Рид. – Конечно, вы не застали бы его отдающим приказ, прежде чем у него не было бы большинства в Петроградском Совете. Как глупо со стороны умеренных – выпустить из рук компромисс! По крайней мере, можно было бы подумать, что они пойдут дальше, распределят землю и покончат с войной и позаимствуют у большевиков их идеи. Фантастика!

Позже в тот же день мы были в Думе. Джон устал от своих речей, которые, казалось, мало соотносились с тогдашней реальностью.

однако большевики «могут и должны согласиться на компромисс только ради мирного развития революции – эта возможность исключительно редка в истории и исключительно ценна». Большевики, которых Ленин, между прочим, отмечает, в то время были в большинстве в Советах, исходя из принципа, что они не могут принимать участия ни в одном правительстве, кроме диктатуры рабочих и беднейших крестьян. Однако он предлагал, что они должны поддерживать правительство меньшевиков и эсеров, ответственных перед Советами, если обе партии порвут со всеми буржуазными партиями (имея в виду кадетов). Он также предлагал, чтобы это случилось *сейчас*. «Сейчас, и только сейчас, возможно, всего за несколько дней или за неделю или две это правительство может быть создано и консолидировано совершенно мирным путем. По всей вероятности, оно может обеспечить мирное *продвижение* всей русской революции, и это исключительно хороший шанс сделать большой шаг вперед во всем мировом движении по направлению к миру и победе социализма». Его партия будет применять революционные методы борьбы и немедленно потребует передать власть пролетариату и беднейшим крестьянам, в обмен на полную свободу пропаганды и быстрый созыв Учредительного собрания. Его письмо было опубликовано в газете «Рабочий путь» 6/19 сентября.

– По словам меньшевиков, и Моррис Хилкуит революционер⁷.

Выйдя наружу, мы оказались рядом с плохо одетым рабочим, который тоже явно устал от речей.

– Спросите его, правы ли вы, что никто, кроме большевиков, сейчас не хочет работать, – проговорил Рид. Это было для него характерно – он любил поверять все услышанное словами рабочих.

Я попытался остановить русского. Он бесстрастно, но пристально оглядел нас с ног до головы. Рид добавил пару слов из своего скудного запаса русского языка. Он немного научился говорить, когда был в России в 1915 году с художником Бордманом Робинсоном; у них было в некотором роде совместное задание – описать фронт европейской войны, и они прибыли в Россию, чтобы делать репортажи об отступлении русских. С одной стороны, царская полиция решила, что им нужно остаться, а на самом деле им было пора выбираться из России. Его произношение было чудовищнее моего, чтобы не сказать больше. Рабочий снова посмотрел на двух странных молодых людей, выплюнул шелуху от семечек, покачал головой и медленно произнес:

– Не понимаю, чего вы спрашиваете. Это не мое правительство. Может, это *ваша* война, но не моя. Вы буржуи, – он так и сказал, *буржуи*, – а я – рабочий.

И ушел прочь.

Рид пришел в восторг. Он сказал, что одного последнего предложения было бы достаточно. Всех интеллектуальных эсеров и меньшевиков следовало забыть. История пройдет мимо них.

– Вы буржуи, а я рабочий! – Голос Рида звенел от воодушевления и эхом разносился по коридору, что привело в замешательство старых охранников у входа. А затем он ликующе воскликнул:

– Что ж, хватит и одной почки, чтобы сражаться в классовой борьбе!

Рид имел в виду операцию по удалению поврежденной почки, из-за чего призывная комиссия освободила его от военной службы как раз перед его отплытием. Это стало любимой присказкой Джона.

Ничего удивительного нет в том, что рабочий посмотрел на нас, как на образчики обычных «буржуев». Прежде всего, мы были американцы. Мы выходили из сектора для прессы, и это второе. И, что и говорить, мы и были *буржуями*.

– Возможно, даже правящим классом, в вашем случае, – мягко заметил я. Мы любили поддразнивать друг друга.

– Да, а ваши предки в одном или двух поколениях работали на шахтах Уэльса, – напомнил мне он.

В ответ я произнес несколько нелицеприятных слов по поводу Социалистического клуба Гарварда (он не был членом клуба, но посещал несколько лекций, а сам клуб, возглавляемый его другом и критиком Уолтером Липпманном, оказывал на Рида влияние).

– Все, что нам нужно сделать, – рассуждал Джон, – это сказать, что я проповедник. Это произвело бы фурор в Смольном!

К этому времени у нас поднялось настроение. Я согласился оставить в покое Гарвард, Социалистический клуб и все прочее, а он обещал не упоминать бостонскую церковь, в которой я читал проповеди.

Рид хотел знать, какой оратор производит наибольшее впечатление – Ленин или Троцкий. Он мог теперь в любой день слушать самого Троцкого, поскольку его, Коллонтай и Луна-

⁷ Моррис Хилкуит был лидером социалистической партии Америки и долгое время представителем ее в бюро Социалистического интернационала в Брюсселе. Когда в 30-х годах партия раскололась, старая гвардия сохранила лояльность Хилкуиту, как национальному председателю.

чарского 4 сентября выпустили из тюрьмы. И тогда я сбросил бомбу. Я не только посетил Первый Всероссийский съезд депутатов в июне, несколько дней спустя после моего приезда, но я и выступал там.

– Что же, – спросил Рид, – вы были на одной платформе с Лениным?

И тут я сбросил следующую бомбу. С тех пор я давно уже разочаровался во всем этом.

– И сейчас, – язвительно заметил я, – когда я сталкиваюсь с американскими социалистами, такими же зелеными, каким и я был в то время, я вовсе не отказываюсь признаться в том, что пропустил речь Ленина!

– Что? Как вы могли сделать такое?

– Очень даже легко, – ответил я. – А *вы* разве знали в июне, кто такой Ленин? Нет, американская пресса только начала вводить его в игру в июле. Что же до Троцкого – то он оратор, смутьян. Драматический. Но я расскажу вам о еще более драматическом случае, чем все, что происходило на собрании. Не забывайте, оно длилось три недели. Это произошло на второй день. Я еще не приехал, но получил это из «безузоризненного источника», как говорят профессиональные репортеры.

И тогда я поведал ему теперь ставшую известной историю, как Ираклий Церетели, меньшевистский министр почты и телеграфа, произносил речь. Церетели отличался высоким теоретическим уровнем, на котором он обосновывал оправдание нерешительности правительства. Я описал Церетели – обходительного, красивого городского человека, голос его звучал почти гладко, когда он откровенно говорил о положении дел в России. Представьте себе, он затрагивал все наихудшие черты – транспортная система устарела, разваливается и не поддается ремонту; снабжение для фронта сваливается в кучу где-то на обочине; поезда переполнены солдатами, которые самовольно покидают фронт, чтобы посадить зерновые; спекулянты захватывают в деревнях пшеницу, а в городах очереди за хлебом становятся все длиннее, крестьяне грабят хранилища, принадлежащие помещикам. Но что можно сделать? В настоящий момент нет политической партии, продолжал журчать голос Церетели, которая могла бы сказать: «Дайте власть нам в руки, уходите, а мы займем ваше место». Такой партии в России нет.

И в то время, пока министр, высокий, уверенный в себе, почти высокомерный, ждал ответа, который должны были дать печально покачивающие головой депутаты, соглашавшиеся с тем, что все безнадежно и Петроград нужно сдать, – какое-то ворчание раздалось со скамейки секции большевиков. Я объяснил, что это была маленькая группа людей, которая занимала те скамейки, в основном мужчины в кепках, рабочие в черных блузах, хотя все руководство большевиков в полном составе отсутствовало: из 882 голосующих делегатов на съезде только 105 были большевиками. И тогда, как мне сказали и как потом подтвердили официальные данные, вслед за ропотом раздалось одно тихо произнесенное слово: «Есть!»

По-русски это означает: имеется. Это было предупреждение Ленина Временному правительству и всем противникам радикальных мер. Это был манифест, состоящий из одного слова. Этот сухой, скрипучий голос, безо всякой бравады прозвучавший с задней скамьи, это односложное слово зародило во многих страх; это был боевой клич. Позже на съезде Ленин получил выделенные ему пятнадцать минут, – это время, которое предоставляли каждому оратору. Раздался издевательский смех, когда он далее сказал: «Вы боитесь власти? Наша партия готова захватить ее в любое время». И аплодировали только большевики, когда его пятнадцать минут истекли. Однако его речи было достаточно, чтобы на двадцать четыре часа уложить в постель Керенского; мой друг Михаил Петрович Янышев узнал об этом по слухам. В любом случае, после этого «Есть!» наступил спад.

Рид откинул назад голову и расхохотался. Эта история прищлась ему по сердцу. А потом он опять по своему обыкновению забросал меня вопросами. Мне пришлось описать место, где проходил первый съезд, – это была Военная школа на Первой линии, на Васильевском острове; в классных комнатах спали делегаты из провинций и Москвы, и, чтобы попасть в зал,

нам пришлось пройти по длинному, плохо освещенному коридору. Что я сказал делегатам? На самом деле я не помню. Потом я добавил, что это не имеет значения, потому что переводчик в любом случае сказал то, что, по его мнению, я собирался сказать.

– Я не помню, что именно я говорил, но думаю, что вряд ли был настолько смел, чтобы сказать то, что опубликовали «Известия» в изложении моего переводчика. И это, имейте в виду, после скромных первых реплик о том, что я привез приветствие от американских социалистов. «При этом мы не должны указывать вам, что делать, мы не собираемся ничего советовать, но мы чувствуем, что зарубежные социалисты признательны вам за героические действия в феврале».

Тогда я вообще не понимал по-русски и поэтому находился в блаженном неведении о том, что мой переводчик перескочил на чистый и понятный призыв к пролетарской революции, как это предписывают Апрельские тезисы Ленина. Я смутно удивлялся, почему председатель съезда, Николай Чхеидзе, грузинский меньшевик, который с таким энтузиазмом попросил меня выступить, произнес свою ответную речь как-то прохладно в ответ на слова, которые, как я думал, были простым братским приветствием. В то время понятия не имел о значении терминов «политическая революция» и «социальная революция» даже притом, что русский язык моего переводчика я понимал. И теперь, рассказывая все это Риду, будучи уверенным, что он не больше разбирается во всем этом, я описал ему, каким наивным был во время съезда. Я находился в Петрограде всего дней десять, когда выступил на съезде, и, естественно, меня озадачило количество партий и их политических убеждений.

Выступая перед громадной толпой на первом съезде, видя рабочих, одетых в форму цвета хаки делегатов с фронта, поляков, литовцев, латышей, татар, казаков, я испытывал огромное возбуждение и в то время полагал, что все они надежно объединены и все верят в социализм. Для меня вся эта аудитория представлялась как одна счастливая социалистическая семья. Вряд ли я был далек от истины. Правда, тот же Чхеидзе, как председатель Петроградского Совета, официально приветствовал Ленина, когда тот в апреле прибыл на Финляндский вокзал из Швейцарии вместе с двадцатью девятью другими политическими изгнанниками. Он приехал в немецком поезде (так же, как Мартов и многие другие путешествовали до этого дня и позже, поскольку это был единственный путь, которым они могли добраться до дома). В своей приветственной речи Чхеидзе говорил о необходимости сомкнуть ряды, чтобы защищать «нашу революцию». Однако революция, о которой говорил Ленин в своей ответной речи, сжимая в руках букет цветов, который кто-то преподнес ему, и глядя мимо Чхеидзе на солдат, матросов и толпы рабочих, стоявших за дверью царской приемной в ожидании его, – явно не буржуазно-демократическая революция Чхеидзе.

Вплоть до этого момента именно такая революция должна была произойти – это допускали все, даже большевики, либо в речах, или в своем органе – в газете «Правда», издаваемой Каменевым и Сталиным. Русские рабочие сбросили династию Романовых в феврале, и этого было вполне достаточно. Впрочем, не для Ленина. *Тогда* он не призывал свергнуть Временное правительство, революция, которую он планировал, была революцией социалистической, как она была оговорена Марксом и прочими, как та, что сможет передать средства производства и правительство в руки рабочих, и та, за которой они единственно смогут последовать. И теперь я долго все это вычислял, если не сказать, что красноречиво упрашивал, по крайней мере, так говорил мой переводчик, ибо его письмо, наконец, дошло до меня через несколько дней, насчет свержения их Временного правительства!

Теперь, когда Джон узнал всю историю, он расхохотался и заставил меня повторить, что ответил Чхеидзе, когда он показался «немного прохладным» в ответ на мою страстную просьбу. Эта была ситуация такого рода, которой Рид всегда упивался, и я сам начал наслаждаться ею – стоит ли говорить, что в первый раз.

– О, Чхеидзе? – ответил я. – Он ничего не сказал. Ничего особенного... только то, что они ждут «товарищей-социалистов» из других стран, чтобы те вынудили свои правительства заключить мир на условиях, о которых меньшевики не раз говорили. Чхеидзе сказал, что ученого учить нельзя, но все же они хотели бы, чтобы их научили, и нетерпеливо ждали урока – потому что сами положили начало этому уроку.

Рид уже вытирал глаза, мокрые от смеха.

– Ничего удивительного, – заметил он, – что вас так ценят в посольстве!

– А как насчет вас? – возразил я. – Я так понимаю, что посол пристально изучил речь, которую вы произнесли перед комитетом съезда насчет закона о призыве незадолго до того, как уехали из Штатов.

– Но это же свои люди, Альберт. Я не приезжал сюда и не называл их кучкой мошенников из-за того, что они не закончили свою работу. В конце концов, мы избавились от короля Георга во время своей революции, но у нас все еще есть Генри Форд и Пьерпонт Морган. Элиу Рут приезжает и говорит им, что делать с их революцией⁸, а вслед за ним прибывает Альберт Рис Вильямс. О да, один исключает другого.

– И тогда появляются Робинс и Томпсон со своим универсальным лекарством.

Мы сели в троллейбус, который увозил нас от Смольного. Я вспомнил, что так и не ответил на вопрос Рида насчет того, кто был лучшим оратором – Ленин или Троцкий.

К тому времени я изучил все речи Ленина начиная с апреля, в соответствии с тем, как они были переданы в прессе. Это стало частью моего изучения русского языка. Фигуры речи у Ленина не были драматическими. Троцкого я слышал; его речи были пламенными, как мне казалось, но возможно, это из-за того, как он их преподносил. Речь Ленина была ровной, неприкрашенной. Но вдруг какая-то фраза или предложение поражает тебя, сказал я Риду. Может, пройдет несколько дней, пока ты будешь ее обмозговывать. *Вот оно*, скажешь ты. *Вот оно!* Он всегда говорит: «Давайте делать революцию» и показывает, как это можно сделать.

– Вы говорите, как законченный большевик, – полушутя заметил Рид.

На самом деле мы с Ридом приехали в Россию не в качестве большевиков, полностью убежденных или просто зарождающихся. Мне предстояло отразить атаку позже – в 1919 году, когда памфлетист Генри Л. Слободин обрушился на меня в прессе статьей, написанной в качестве предполагаемого опровержения моего маленького памфлета под названием «76 вопросов и ответов о большевиках и Советах». По его мнению, я – девственно невежественный человек, прибывший в Россию, не имея ни малейшего представления «о большевизме, социализме и русском языке». Несомненно, в этом обвинении была некоторая доля правды.

Выступить с какой-либо оценкой революции было в те дни весьма непростым делом. В идеале это требовало воображения, понимания, изрядной доли политической искушенности, некоторого опыта классовой борьбы, знания социалистических партий со всеми их разными оттенками, а также знания русской истории. Стоит ли говорить, что ни один американец не мог бы справиться с такой задачей. Среди людей с социалистическим прошлым только у Джона Рида и у меня не было официальных или псевдоофициальных государственных заданий, которые нам предстояло выполнить. Мы одни ставили «социализм» перед «патриотизмом», то есть перед поручением судить обо всем с позиции того, станет ли новое правительство вести войну, в которую Америка формально вступила в апреле 1917 года. По сравнению с Сэмом Харпером

⁸ Рут – американский юрист, государственный и общественный деятель. Был на удивление мрачным и холодным человеком, и странно, что его выбрали возглавлять миссию, рассчитанную на то, чтобы распространять солнечный свет и легкий глянец на русских, вступивших снова в войну. Самая грубая ошибка Рута – это его речь перед Советом министров в Петрограде 2/15 июня, в которой он, похоже, намеревался лишь побудить русских начать сражаться против германцев и продолжать выполнять царские обязательства. Но не грубый Рут, а мягкий Терещенко говорил по поводу Декларации независимости Америки и о «самой старой и сильной демократии». В кн. Макса М. Лазерсона «Влияние Америки на Россию, 1784–1917» (Нью-Йорк, 1950. С. 417–418) он называет ее (речь) «вероятно, последним проамериканским заявлением, сделанным демократичным русским министром».

из Чикагского университета, с кем я в июне прибыл в Петроград, наша невежественность в области русской истории и языка была по-настоящему безмерной. И все же мы знали о вещах, которые, возможно, оказались более полезными по прибытии и для оценки, которая могла хотя бы приблизиться к истории.

Мы оба, хотя и несовершенно, отождествляли себя с рабочим классом. У нас был личный опыт рабочего движения, профсоюзов, забастовок. Мы знали Билла Хэйвуда, великого вождя шахтеров и создателя профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира», а также Джима Ларкина, организатора Союза рабочих транспортников в Дублине и лидера дублинской забастовки 1913 года. Ларкин приехал в Соединенные Штаты, чтобы собрать средства, когда забастовка потерпела поражение, его собирались посадить в тюрьму, к тому же его возвращение могло совпасть с возможной революцией в Ирландии. Я проводил кампанию в пользу Юджина Дебса, когда он в 1912 году боролся за пост президента от социалистической партии и набрал 800 000 голосов. Рид освещал Мексиканскую революцию и ездил по стране с Вильей. Я три месяца был военным корреспондентом в Европе для журнала «Взгляд». В своих рассказах о Людлоу, Колорадо, о забастовке и о гибели рабочих, женщин и детей, виновниками которых были милиция и депутаты с автоматами (эти истории были напечатаны в журнале «Метрополитен») он создавал некое подобие репортажей, которые затем составят основу его книги «Десять дней, которые потрясли мир». Рид еще раньше принимал активное участие в «шелковой» забастовке, а затем в кровавой забастовке рабочих-ткачей в Лоуренсе, Массачусетс, в 1912 году. Во время забастовки с Лоуренсе Рид вступил в профсоюз «Индустриальные рабочие мира».

Теперь, в ответ на его колкость относительно того, что я говорю как профессиональный большевик, я отошел от своего привычного подшучивания и перешел на серьезный тон, вычислив, что это – именно то, что он хочет. Я не претендую на то, что вспомню точные слова, которые говорил, но я сказал, что за три месяца, что я провел в России, я повзрослел. Революция – не такое дело, чтобы с этим можно было просто играть. В ней нельзя принять участие, а потом просто забросить. Это нечто такое, что захватывает тебя целиком, потрясает, завладевает полностью. Нет, сказал я тогда, я не большевик, если он собирается воспринимать это слово буквально.

И тогда, еще до того, как я сам понял это, я принял решение и почему-то чуть ли не воинственно заявил:

– Я собираюсь работать с ними точно так же, когда они найдут какую-нибудь работу для меня, потому что, как я это понимаю, большевики хотят добиться некой социальной справедливости, которой хотим мы с вами. Они хотят этого *сейчас*. И готовы отдать за это свою жизнь – и многие, несомненно, так и сделают. Я хочу того же, что и они, – чтобы каждый человек сполна получал за свой труд, чтобы никто не ел пирожные в то время, когда у других нет и хлеба, и поэтому я собираюсь работать вместе с ними. Если вы можете найти какой-нибудь лучший способ помочь совершить революцию, дайте мне знать.

Почему мне пришлось говорить так раздраженно об этом с Ридом, который пристально смотрел на меня своими ясными зелеными глазами, которые становились такими внимательными в минуты особой серьезности, что можно было предположить, что он даст какой-нибудь дерзкий ответ. Я не мог тогда больше заблуждаться. Если человек тебе нравится, это не значит, что ты хорошо разбираешься в нем. Рид мне был симпатичен, он мне понравился еще в Нью-Йорке, когда я не слишком хорошо его знал. Мне нравились в нем и общепризнанные добродетели, и все те качества, которые кляузные критики считали его недостатками (если это можно назвать недостатками). Многие черты Рида лишенный чувства юмора Уолтер Липпманн никак не мог понять. На приемы актера, бьющего на дешевый эффект, на его кипучие выходки и гримасы и шутки я реагировал с восторгом; для Липпманна, будущего авторитетного апологета Республиканской партии, все эти проделки делали Рида шутком. Впрочем, как и меня. Но это

не позволяло предположить, что у меня было хотя бы отдаленное предчувствие, что Джон Рид вернется домой, чтобы образовать коммунистическую партию, или умрет через несколько лет в России как мученик революции и будет похоронен возле Кремлевской стены.

В том же ключе я сказал Риду, рискуя показаться самоуверенным, что это совсем не значит быть оппозиционером на родине. Кем были мы оба, когда на нас обрушилось все это? Парой дилетантов. Что ж, здесь такое невозможно. Либо вы на стороне Ленина и его партии, либо становитесь апологетом войны, как Сэм Харпер и Буллард, который говорит парням в Вашингтоне то, что они хотят услышать, – что Керенский останется у власти, а крестьяне начнут воевать прямо сейчас.

Артур Буллард, романист, писал заметки из Москвы в Государственный департамент, как это делал Харпер вплоть до недавнего отъезда из Петрограда. В то время как его репортажи были более достоверными и информативными, чем опусы посла Фрэнсиса, я был уверен, что они не такие уж просветительские.

Рид в любом случае был репортером и не собирался уклоняться от обобщений или речей. Когда и как я приобрел свои политические убеждения? Как долго я блуждал посреди гущи политических партий с их сложными теоретическими различиями и в этом стремительном потоке, где взаимоотношения сил менялись почти еженощно, прежде чем я сформировал какое-либо особое убеждение? Чтобы ответить ему, мне пришлось проанализировать, что произвело на меня самое глубокое впечатление – Ленин или большевики. Я продвигался вперед не гладко и беспорядочно, да и выводы делал не без отступлений назад и сомнений. Нельзя было сказать, что, наблюдая определенные события, во вспышке понимания умел разглядеть свет.

Мы вернулись к Апрельским тезисам Ленина. Их значение стало яснее для меня после разных бесед с моими русско-американскими друзьями. Забавно, сказал я, что большевики второго и третьего потока, включая активистов из вернувшихся эмигрантов, по сравнению с высшими вождями партии с самого начала приветствовали появление Апрельских тезисов. По крайней мере, они так говорили мне в июне, и все они были точны до дотошности. На самом деле Ленин зависел от них, тех, кто мог убедить вождей.

Окажется ли Ленин прав со своими Апрельскими тезисами – этот вопрос стал для меня великим испытанием. С 12 по 28 июля я ездил с Михаилом Янышевым, большевиком и одним из моих самых близких русско-американских друзей, в Спасское и в близлежащие деревни. Немало времени мы с ним тратили на то, чтобы обсудить предложения Ленина.

Ленин говорил, что большевики должны терпеливо и упорно объяснять «только что пробудившимся массам», что Советы рабочих депутатов – *единственно возможная* форма революционного правительства, и убеждать передать всю власть Советам. Временному правительству, которое тогда возглавлял князь Львов, нельзя было оказывать никакой поддержки, и нужно было подчеркивать всю лживость обещаний этого правительства. Он призывал «не к парламентской республике – ибо возвращение к ней станет шагом назад от Советов рабочих депутатов, – но к республике Советов рабочих, трудовых и крестьянских депутатов по всей стране, сверху донизу».

Конфискация помещичьих имений и национализация *всей* земли – вот к чему призывал Ленин. Землей должны были распоряжаться местные Советы работников сельского хозяйства и крестьянские депутаты. Он требовал создать отдельные Советы депутатов для беднейшего крестьянства. А также предвидел создание образцовых ферм в каждом крупном поместье (от 100 до 300 десятин; каждая десятина равнялась примерно $2\frac{2}{3}$ акра, по решению местных учреждений), которые должны были контролироваться Советами работников сельского хозяйства. Эти бедные крестьяне, которых Ленин называл полупролетариями, не были организованы ни тогда, ни даже после Октябрьской революции, и какими бы разнообразными ни были проблемы

большевиков, лишь угроза голода в городах вынудила их настроить работающих крестьян против кулаков.

Он призывал к упразднению полиции, армии, бюрократии и предлагал заменить армию универсальным народным ополчением. Все банки должны были слиться в единый национальный банк. Что касается войны, она могла превратиться в «революционную национальную оборону», только если: 1) власть будет передана пролетариату и беднейшим слоям крестьянства, примкнувшего к рабочим, 2) при отказе от всех аннексий и 3) при полном разрыве со всеми интересами капиталистов.

Это была вполне жесткая программа при всей ее сложности, поскольку в тех условиях она не могла быть выполнена, если бы не был сброшен капитализм. И в то время Ленин признавал, что из всех воюющих стран Россия под Временным правительством была самой свободной, она оставалась капиталистическим государством, а война – грабительской войной империалистов.

Почему эти Апрельские тезисы вожди его же большевистской партии встретили потрясенно и озадаченно? Рид хотел это понять. Это привело к долгой дискуссии, в конце которой мы поздравили себя, что ни один из нас толком не знает ни Маркса, ни Энгельса, не говоря уже о том, как интерпретировали Маркса меньшевики, социалисты-революционеры и чистые большевики. Мы так и не пришли к мнению насчет того, какой следующий шаг должна принять революция. (В то время никто из нас не знал, что Маркс в 1887 году считал, что «на сей раз революция начнется на Востоке...», то есть в России⁹.)

В этих скромных, как может показаться на первый взгляд, осторожно высказанных предложениях, которыми Ленин здесь повсюду четко призывает к свержению Временного правительства, он выбил фундамент из-под ног собственной партии, равно как и из-под ног других перепуганных «марксистов». Поскольку все они уютно трусили рядышком, включая большевиков, при двойной власти Временного правительства и Советов рабочих депутатов с убеждением, что в то время невозможно добиться ничего другого, кроме как политической демократии, завоеванной в феврале. В это время появляется «безумец», как его называли на следующий день в прессе; этот претендент на корону Бакунина, как презрительно называли Ленина меньшевики, когда он обратился к ним и большевикам в своих тезисах и спросил: «Чего мы ждем?» Итак, сказал я, Ленин метался перед лицом социалистической традиции, которая полагала, что должна свершиться буржуазная революция, прежде чем обучившийся пролетариат сможет совершить революцию и посеять соответствующее зерно, чтобы сохранить ее.

– Значит, те, кто отпрянул от Ленина, утверждают, что буржуазная политическая революция не завершена, так, что ли? – спросил Рид.

– Ленин не сказал, что она завершена, во всяком случае, я так понял, – ответил я. – Все это очень сложно. Ленин не упомянул, в какой момент должен состояться переход к социалистическому правительству. Он лишь сказал, что нужно сделать эти первые шаги, в том числе передать производство и контроль над распределением продукции в руки Советов рабочих депутатов.

– Когда? Это важный вопрос. – Рид всегда вплотную подходил к самым сложным частям проблемы, я же всегда видел сияющую общую картину. Поэтому из нас получилась хорошая команда.

⁹ Маркс объяснял в письме к Фридриху Альберту Зорге, немецкому коммунисту, эмигрировавшему в Соединенные Штаты и ставшему генеральным секретарем Первого Интернационала в Нью-Йорке: «Этот кризис (Русско-турецкая война и ближневосточный кризис) – *новый поворотный пункт* в европейской истории. Россия давно стояла на пороге подъема, все элементы ее были готовы к нему – я изучал местные условия из оригинальных русских источников, неофициальных и официальных (последние могли находиться лишь у немногих людей, которые получали их от своих друзей в Петербурге...). Все слои русского общества экономически, морально и интеллектуально совершенно разъединены. На этот раз революция начнется на Востоке, там стоят нерушимые бастионы и резервная армия контрреволюции». *Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Переписка 1846–1895 годов.* Нью-Йорк, 1935. С. 348–349.

– Предположим, вы спросите у меня, когда его партия завоюет большинство. Он так не говорил, но в Апрельских тезисах неоднократно предупреждал, что у них *нет* ничего похожего на большинство. Поэтому он говорит: «Вся власть Советам», хотя тогда, в апреле, они еще не были учреждены.

– А сейчас? – настаивал Джон. Наверное, мы с ним беседовали после 9 сентября, ибо он указал на то, что теперь у большевиков было большинство в Московском Совете, равно как и в Петроградском, и что Троцкий стал председателем Петроградского Совета. Оба Совета проголосовали большинством голосов за правительство Советов, более того, и за вотум недоверия Временному правительству. То же самое в Киеве и в Финляндии.

– Это правильно. Наверное, вы хороший предсказатель. Рид. Теперь это будет скоро!

– Интересно, как это будет, – усмехнулся Рид, – оказаться в шкуре Либера или Дана или даже старика Мартова, не говоря уже о Георгии Плеханове. Практически за любым из вождей, анархистов, меньшевиков, социалистов-революционеров, левых или правых, равно как и большевиков – годами охотились, отправляли в Сибирь или гноили в кишащих вшами российских тюрьмах. Помимо борьбы с классовыми врагами им приходилось сражаться друг с другом – каждая группа считала, что она права, каждая по-своему истолковывала Маркса, или анархисты боролись с эсерами из-за Бакунина или Кропоткина. Какими выбитыми из седла должны себя чувствовать старые упрямы, какими добродетельными, когда они видели, как их товарищи переключились на Ленина! Мученики, святые в своем роде, в свое время; а теперь они отжили свой век. Они признают, что Ленин может принести мир, хлеб и землю. Однако именно это они не могут простить ему и поэтому так яростно поддерживают Керенского.

И затем совершенно неожиданно Рид сделался репортером-скептиком: как я могу быть уверен, что Ленин не идет слишком быстро ради масс? Учитывая, что другие лидеры большевиков – Каменев, Рыков, Бухарин например (Троцкий, Рязанов, Луначарский и другие члены Межрайонного комитета формально объединились только после их ареста 23 июля), недооценивали настроение народа в апреле; а доказывает ли это, что Ленин не переоценивает пролетариат сейчас?

Это был хороший вопрос, и мы надолго над ним задумались. В конце апреля Ленин победил, благодаря убеждению тех вождей, которые вначале, за исключением нежной, но упрямой Александры Коллонтай, были страшно напуганы Апрельскими тезисами. Большевики выдвигали только одну программу, которую могли поддержать массы; мир, землю и хлеб и передачу всей власти Советам. Но кто станет двигать массами? Вот в чем вопрос. Или Ленин был гением, который понимал, как будут чувствовать себя русские массы в эти несколько месяцев, в этом случае его Апрельские тезисы станут стандартом, под который им разумнее будет подстроиться, или он хотел навлечь беду? На некоторое время, когда шли страшные репрессии июльских дней, мною владело сомнение.

По сути, большевики остались без лидера: Ленин скрывался, Троцкий сидел в тюрьме. Несмотря на то что Троцкий не вступал в коммунистическую партию (он сделал это лишь в августе), никто не сомневался, что он, наряду с Лениным, – самая могущественная и активная революционная фигура. А с момента его возвращения в мае Троцкий признавал в Ленине протагониста и пропагандиста, вокруг которого должна сфокусироваться грядущая революция.

Однако обвинения в адрес Ленина, публикации в буржуазной прессе в Петрограде о письменных показаниях, фальшивых и низкопробных, как об этом было известно во всех посольствах и любому политическому лидеру, которые обвиняли его в том, что он принял германское золото, возымели свое действие. Некоторое время на заводах были люди, которые верили этому. Членство в рядах партии большевиков сократилось.

Между тем из своего укрытия в Финляндии Ленин продолжал руководить партией. Пользующиеся доверием гости посещали его; Крупская навещала Ленина, пробираясь в темноте через поля; он отправлял письма товарищам, в газеты. И продолжал распространять свои непо-

пулярные идеи, совершенно неожиданно вдруг становившиеся популярными. А сам он никогда не терял популярности. Теперь, в сентябре, большевики стали признанным голосом в гигантской стальной кузнице, на Путиловском заводе, и на других фабриках.

Рид был неумолим, и в конце этого особенного вечера в Выборге он словно завелся. По нашем возвращении его энтузиазм по поводу Красной гвардии казался беспредельным; он возбуждался от прямых, простых выступлений ораторов-большевиков. Оратор от меньшевиков презрительно сказал в Думе, что Ленин обещает рабочим «рай». Это не увязывалось с речью, которую мы слышали в тот вечер от ученика Ленина, прокомментировал Рид. Нет, ответил я, большевики в целом, и Ленин в особенности, не уплывают в заоблачные дали. Они немного размышляют о будущем и избегают, как чумы, цветистых речей. Я не могу вспомнить, чтобы слышал какие-либо разговоры о рае в революционных речах. Когда я впервые вник в слова Ленина, значение их показалось мне суровым и бескомпромиссным.

– Ленин может быть резок. Однако его исходный гуманизм, его глубокая забота о том, что человек должен родиться заново и управлять собственной судьбой, – может, это делает его жестоким.

Рид поддразнивал меня насчет того, что я увлекся.

– Запомните, товарищ, марксисты не делают героев из своих вождей, – сказал он, и в глазах его мелькнул злой огонек. В любом случае, он понял, что я хотел сказать.

Он заговорил о немце Карле Либкнехте, который проголосовал против, когда 110 других депутатов-социалистов в рейхстаге проголосовали за военный бюджет.

– На вас произвела впечатление честность Ленина в противоположность запаху лицемерия, исходящему от меньшевиков и лидеров правых эсеров, – сказал Рид.

– Точно, – ответил я. – И его ощущение реальности. – Я процитировал отрывок из апрельской речи, которую, с помощью Янышева, я почти сохранил в памяти: о том, что у большевиков еще нет большинства; и «в этом случае лозунг должен быть такой: осторожность, осторожность и осторожность. Основывая нашу пролетарскую политику на чрезмерном доверии, мы обрекаем ее на провал».

– Это интересно, – заметил Джон, – потому что Ленин сейчас проповедует смелость.

– Да, – ответил я, – он такой; будьте смелыми, будьте дерзкими, но не слишком гибкими. Условия меняются; ни одно правило не остается неизменным. Мои друзья-марксисты здесь сообщили мне, что душа марксизма состоит в том, чтобы не дать опутать себя какой-либо предвзятой идее, даже марксистской!

При этом Рид разразился хохотом, хлопнул меня по спине и поинтересовался:

– А как вы думаете – мы когда-нибудь получим образование? Или на всю жизнь останемся гуманитариями? Дилетантами?

И потом, как это с ним часто бывало, у него неожиданно поменялось настроение; на этот раз на поверхность выплыла угрюмость. Это было первый раз, когда я увидел его таким, хотя потом мне не раз приходилось наблюдать его уныние. Другие описывали это как депрессию, но это состояние было гораздо сложнее.

– Какое это будет иметь значение, раз мы все равно вернемся домой? – мрачно спросил он. – Легче, когда нас воспаляет то, что творится здесь. Нас вознесет на небо мысль о том, что мы великие революционеры. А что на родине? – Он горько засмеялся. – О, я всегда могу организовать другой маскарад!

Я научился распознавать эти полуобвинительные настроения у него как часть его личности, поскольку все вокруг нас находилось в постоянном движении. И он, и я понимали, что маскарад, который он затеял, когда рабочие шелковой фабрики в Патерсоне вышли на стачку в Мэдисон-Сквер-Гарден, был совершенно правильным и даже замечательным артистичным действием. Этот маскарад был хорошей агитацией, повлиявшей на бастующих мужчин и женщин, которые участвовали в стачке и способствовали тому, чтобы ее так просто не разогнали.

Однако мы также понимали, что Рид и я оторвались от забастовки; закончился карнавал, и они с Мэйбл Додж влюбились друг в друга. Мэйбл Додж была богатой женщиной, она вела богемный образ жизни в Гринвич-Виллидж и носилась с анархистами, рабочими вожаками и писателями левого толка. А в то время любой творческий человек в Нью-Йорке был более или менее радикалом. И в тот самый период, когда стачка была подавлена, и пал духом сам Рид (делая репортажи о забастовке, он до такой степени идентифицировал себя с забастовщиками, что даже позволил арестовать себя и засадить в тюрьму), Мэйбл Додж удалось утащить свой приз. Рид и другой фаворит на вечеринках Мэйбл, Роберт Эдмонд Джонс, который написал сценарий для маскарада-стачки в Патерсоне, были отвезены лично на виллу Мэйбл во Флоренции, в Италию. Рид в конце концов вырвался из ее цепких любовных объятий, сбежал домой и привязался к Луизе Брайант, почувствовав, что она – родственная ему душа. (Затем они тайно поженились в Пукипси, Нью-Йорк, в начале ноября 1916 года, до того, как Рид попал в госпиталь Джона Гопкинса в Балтиморе по поводу операции на почке.)

Это было проклятием Рида – такая противоречивая личность, живая, легкая на подъем душа, творческий талант и в то же время сидевший внутри него насмешник, издевавшийся над ним самим. А теперь он боролся с собственным отношением к событиям, разворачивавшимся в Петрограде, когда его чувство истории подсказывало ему, что человечество достигло поворотного пункта, и это бросало вызов всем его силам. Хочет ли он этого? Перепады настроения – естественные колебания молодого, очень живого американца, поставившего себе целью более трудную задачу, чем те, что ему когда-либо приходилось решать.

Конечно, я не был справедлив к Риду и к себе, когда говорил, что теперь мы стали чуть больше чем просто дилетанты. Я слишком преувеличивал, мы играли друг с другом. Это было формой подшучивания, скрывавшей внутри нас невнятные, очень серьезные вопросы – о нас, о других людях, с которыми мы встречались, и о старом мышлении, – обо всем, что могло столкнуть нас с пути или предоставить удобные иллюзии. Но мы, наконец, смогли устранить все препятствия в общении и сумели признать, что мы оба в этой революции стояли на обеих ногах. Мы приняли решение.

Глава 2

Русские американцы

С самого начала моим русско-американским друзьям Джон Рид пришелся по сердцу.

Он был неугомонным, ищущим молодым человеком с обостренным чувством справедливости и жадной приключений. То, что он отождествлял себя с забастовщиками и с рабочим людом, было с его стороны пылким, но судорожным чувством. Он был повстанцем, но никоим образом не революционером. Революционером его сделала Октябрьская революция. Поэт, драматург и сатирик, он видел революцию преимущественно в ее живописных аспектах. Однако его честность требовала большего: требовала объяснения того, как работали кажущиеся на первый взгляд слепыми силы, – эти поиски закончились лишь с его смертью, сделавшей его легендарным человеком во всем мире, вечно юным и страстным, творческим западным человеком, выполняющим свою миссию¹⁰.

В этих поисках Риду очень помогли русские американцы, большинство из которых приехали раньше меня, а другие продолжали прибывать до Октябрьской революции и после нее. Должен сказать, что и он платил им доверием и сердечной привязанностью.

Многие из русских, живущих в Америке, которые были нашими с Ридом переводчиками, наставниками и друзьями – стали большевиками. С некоторыми мне довелось познакомиться во Владивостоке, и получилось так, что они заняли большое место в моем сердце. Помимо Михаила Петровича Янышева, там были выдающийся В. Володарский, или Моисей Маркович Гольдштейн, Яков Петерс, русский политический эмигрант в Англии, и Самуил Восков.

Еще среди них был Александр Краснощеков, который один из эмигрантов, находясь в Америке под именем Тобинсон, принадлежал к среднему классу. Прибыв в июле 1917 года во Владивосток, он сразу же вступил в партию большевиков и был направлен в Никольск-Уссурийск, где его избрали председателем Совета народных комиссаров Дальнего Востока. Местная буржуазная газета быстро назвала его «иммигрантом-рабочим» и заметила, что читателям, должно быть, «стало стыдно из-за того, что ими управляет носильщик, мойщик окон из Чикаго». Ни один из других большевиков, которых я знал, не отреагировал бы так же, как Краснощеков. Однако ни один из них и не был человеком из Чикаго, педагогом и адвокатом, каким являлся Краснощеков, и, когда он напомнил об этом редактору в письме, тот оскорбился. Между тем Краснощеков был политиком и размышлял о том, как бы пробиться через

¹⁰ Путешествуя с фальшивым паспортом, Рид предпринял опасное возвращение в Россию после революции, в 1919 году, когда блокада против Советов все еще держалась, чтобы получить удостоверение личности от коммунистической трудовой партии. Исполнительный комитет Коммунистического интернационала был учрежден в марте того года. Делегацию, которая заявила о признании соперничавшей коммунистической партии, возглавлял Луис Фрайна. (Обеим группам было приказано объединиться.) Находясь в России, Рид узнал о набегах на квартиры обеих групп коммунистических партий в Нью-Йорке; это произошло в ноябре, и ему также было предъявлено обвинение наряду с другими. Он готовился возвратиться, но не раньше, чем соберет обширный материал, ибо Рид был репортером и планировал написать не только вторую, но и третью книгу, чтобы «Десять дней» стали трилогией. (Рукописи, фрагменты и записные книжки с материалом свидетельствуют о его работе.) После одной-двух неудач он все же пересек границу по дороге домой, но добрался лишь до Або, в Финляндии, где был арестован по обвинению в «контрабанде», и его тринадцать дней продержали в одиночной камере тюрьмы в Або. Узнав, что все это было организовано советскими властями, чтобы обменять его на финских заключенных, он сообщил своему финскому представителю, господину Мальмбергу, 25 мая 1920 года, что он решает отозвать свою просьбу об американском паспорте. В постскрипте он заявил: «Предоставляю на ваше усмотрение вопрос о том, как информировать Магрудера (из консульства США) о моем решении. Весьма вероятно, что он не выдаст паспорт или даже не ответит на мою просьбу. Причина моих действий по этому делу состоит в том, что финское правительство допустило американские власти до моего паспорта» (Собрание Джона Рида, Хьюгтон Лайбрери, Гарвардский университет). Истощенный, с язвами по всему телу из-за плохого питания, Рид в июне прибыл в Москву и бросился на подготовку ко Второму съезду Коммунистического интернационала. Когда съезд завершил работу, он отправился вместе с другими членами Исполнительного комитета в Баку, чтобы участвовать в съезде восточных народов. Проезжая по стране, где свирепствовала эпидемия тифа, он подхватил инфекцию и умер в Москве 17 октября 1920 года. 20 октября ему исполнилось бы тридцать три.

местные Советы в редакцию газеты. В ту минуту, когда он вошел в зал заседаний, люди поднялись и начали приветствовать его криками: «Наш! Наш!» – и сказали ему, как они были счастливы прочитать ту историю в газете. «Мы думали, что вы – буржуй. А теперь узнали, что вы – один из нас, настоящий рабочий!» Письмо оставалось у него в кармане, после он разорвал его. После того как его схватили белые и посадили в тюрьму в Иркутске, а затем освободили во время местного мятежа в январе 1920 года, он был избран президентом Дальневосточной республики.

Механик Янышев работал во многих городах – на доках в Гамбурге, на угольных шахтах в Австрии, в Токио и в Марселе, и среди прочих – в Бостоне, Детройте и повсюду в Америке. Володарский, революционер с четырнадцати лет, жил в Соединенных Штатах с 1913 по 1917 год и был членом Американской социалистической партии; был членом Петроградского Совета даже в «июльские дни», его очень любили как оратора в задымленных рабочих кварталах на Выборгской стороне. С июля он был главной силой, раскачавшей 400 000 рабочих на Путиловском сталелитейном заводе, и прошел путь от эсера до большевика.

Восков был профсоюзным организатором в Нью-Йорке – от союза плотников и столяров № 1008. До этого он принимал участие в забастовках на Среднем Западе и знал из первых рук, что избивание рабочих агитаторов в Соединенных Штатах в беспокойное время – явление распространенное.

Немного позже приехал мой друг и товарищ Арнольд Янович Нейбут. Нейбут был лидером Чикагской секции Американской социалистической партии, в 1916 году он работал в Калифорнии, когда я там проповедовал, а позже работал в нью-йоркской Гринвич-Виллидж. Возможно, я познакомился с ним в одном из этих мест, однако один эпизод в особенности ярко сохранился в моей памяти. Это был незабываемый день в марте 1917 года. На станции метро у Кристофер-стрит, недалеко от моей комнаты в Виллидж, я заметил человека, стоявшего у газетной вывески. Вокруг него суетилась толпа, однако он не обращал на нее никакого внимания, уставившись на крупный заголовок: «ЦАРЬ ОТРЕКАЕТСЯ – ПАДЕНИЕ РОМАНОВЫХ». Я видел, как у него по лицу текли слезы. Это был Нейбут. Я стал пробираться к нему, но прежде чем я смог это сделать, он сунул газету в карман и побежал вниз по ступенькам, ведущим в метро. Я примкнул к толпе, покупавшей газеты, и подумал: «Вот оно пришло!» И почти сразу же я понял, что еду в Россию...

Нейбут – латыш, как и Яков Петерс, и не было более воинствующих революционеров, чем латыши, – вернулся в апреле 1917 года через Владивосток и оставался там достаточно долго, чтобы его послали в качестве делегата в Учредительное собрание и на Третий Всероссийский съезд Советов. Любезный, разносторонний, он выступал как корреспондент большевистской газеты во Владивостоке, позже служил в Красной гвардии, был мужественным и изобретательным командиром.

Петерс – молодой человек с вьющимися волосами, любил поэзию и пытался небезуспешно во время этих сентябрьских дней вдохновить Джона процитировать некоторые из его стихов. Через несколько месяцев он вырвался из мрака неизвестности и попал в заголовки всех газет мира. В качестве первого помощника Феликса Дзержинского, главы Чека, Петерс стал известен западному миру как «кровавый Яков Петерс».

Бесси Битти описывает Петерса как типичного радикала и истового революционера, взращенного угнетением балтийских провинций.

Якову Петерсу было тридцать два года, но он выглядел моложе. Это был яростный, быстрый, нервный невысокий парень с копной вьющихся черных волос, которые он зачесывал назад ото лба; курносый нос придавал его лицу вопрошающее выражение, а пара голубых глаз была полна нежности и доброты. Он говорил по-английски с лондонским акцентом, а к своей жене-англичанке обращался «миссис», с маленькой дочкой говорил языком, свойственным всем обожающим отцам.

Вернувшись в Россию после Февральской революции, Петерс оставил свою английскую жену и дочь в Англии. Он скучал по ним и по своему саду, в котором росли розы, однако, насколько я знаю, так и не возвратился, а впоследствии женился на русской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.